

О.Ю. Левин,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Письма архимандрита Софрония (Сахарова) к архиепископу Тамбовскому и Мичуринскому Михаилу (Чубу)

Архимандрит Софроний (в миру Сергей Семенович Сахаров) – богослов нашей эпохи. Ученик и автор книги о преподобном Силуане Афонском, его духовный преемник. Отец Софроний родился 22 сентября 1896 года в Москве, в семье купца.

Духовный облик юного Сергея формировался, с одной стороны, под влиянием его увлечения живописью, и с другой – философско-религиозного поиска, приведшего его к восточной мистике. Способности к рисованию у Сергея Сахарова проявились в детстве. Получив среднее образование, он учился в Академии художеств (1915–1917) и затем – в Московской школе живописи, скульптуры и архитектуры (1920–1921).

В 1921 году Сергей Сахаров выехал из России с тем, чтобы продолжить карьеру живописца уже на Западе. Он провел несколько месяцев в Италии и в Берлине. В 1922 году молодой человек переехал в Париж. В 1925 году он отправляется на Афон, где в Русском Пантелеимоновом монастыре принял постриг в монашество с именем Софроний. В 1930 году отец Софроний встретился со святым старцем Силуаном. С 1940 года, поселившись в одной из пещер Карулии, в самом сердце афонской «пустыни», начал отшельничать. В 1941 году рукоположен во иеромонаха в скиту святой Анны. В 1944 году по просьбе монахов монастыря святого Павла оставил Карулию и в качестве духовника перешел в пещеру в Неа Скити. А в 1947-м вынужден был ее покинуть из-за появившихся после войны антиславянских настроений греческих монахов, живущих на Святой Горе.

В 1952 году отец Софроний издал сочинения старца Силуана со своими комментариями и жизнеописанием старца. Эта книга стала классикой современной православной аскетической литературы.

Отец Софроний поселился в городке Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. В 1959 году, после безуспешных попыток найти во

Франции место для основания монашеской общины, он переехал в Англию с группой учеников и поселился в Толлесхант Найтс (Эссекс) в бывшем доме священника. Здесь был основан монастырь святого Иоанна Предтечи, духовным руководителем которого стал архимандрит Софроний.

Умер отец Софроний 11 июля 1993 года.

Знакомство архиепископа Тамбовского и Мичуринского Михаила (Чуба) с архимандритом Софронием состоялось, видимо, в тот период, когда владыка с августа 1957 года по март 1959 года управлял приходами Московского Патриархата в Германии. В августе 1957 года он был назначен заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений и несколько лет трудился на этом поприще. Участвовал в первой официальной встрече представителей Всемирного Совета Церквей и Русской Православной Церкви в Утрехте (Нидерланды) в августе 1958 года. Впоследствии архиепископ Михаил был назначен членом Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства. Со времени основания сборника «Богословские труды» (1959) он являлся бессменным членом редакционной коллегии.

Владыка Михаил перевез в Россию первые издания основного труда отца Софрония «Старец Силуан». Сохранилось несколько писем отца архимандрита к архиепископу Михаилу, некоторые из них хранятся в архиве Тамбовского епархиального управления. Сегодня мы публикуем два письма, посвященные некоторым богословским проблемам и вопросам духовной жизни, актуальными и в наше время.

Сент-Женевьев-де-Буа, 28 июня 1958 года

Глубокоочтимый и возлюбленный о Господе Преосвященный Владыко, благословите.

При вести о том, что Вы в Англии, я сначала потянулся душой туда, чтобы лично получить от Вас благословение и, если возможно, участвовать в Божественной литургии и причаститься из Ваших рук. Но, к сожалению, желание сие не реализуемо, так как для меня весьма сложная процедура получения виз и требует столь долгого времени, что я уже не застаю Вас там. Итак, мне сейчас не дана радость непосредственного общения с Вами.

Сам я недавно был в Англии по делу издания английского перевода книги «Старец Силуан» Англиканским Издательством «THE FAITH PRESS». За время моего пребывания там я встречался с некоторыми высокими представителями Англиканской Церкви. Некоторые из них занимают руководящие места в деле общения с представителями Русской Церкви; я имею в виду гл. обр. Архиепископа Йоркского д-ра М. Ramsey и Епископа Челмсфордского д-ра Allison.

Горячо молю Бога, чтобы благословил Он пребывание в Англии представителей Русской Церкви действительным успехом, под которым я мыслю хотя бы частичное «разрушение того средостения», что разделяет христианский мир уже несколько веков, несмотря на сознание всеми губительных последствий этого разделения. Я непоколебимо верю в то, что если бы Господь открыл всем нам удобные Ему пути к искомому и желанному единству христиан, то мир могучими потоками излился бы свыше на всю страждущую землю, ибо судьба мира самым глубоким образом связана с судьбами Церкви, и все исторические события находятся в непосредственной зависимости от духовного состояния христиан. Внешняя разорванность мира, т.е. в плане политическом, есть не что иное, как отражение разрыва в плане духовном. И поскольку христианству принадлежит не только преобладание, но и «власть» над миром прочим, постольку возможно утверждать, что мир между христианами явится прочною основой мира во всей Вселенной.

Мой личный опыт общения с представителями и высшей, и средней средой Англиканства убедил меня в том, что они исполнены искреннего желания найти пути к возможному скорому и действительному сближению с Православием вообще и с Русской Церковью – особенно. Совершенно не склонный к «упрощению» этого вопроса в его существе, ибо мыслю благим единство не в бедности и снижении, а в богатстве и полноте, я вместе с тем внутренне болею исканием тех путей, следуя по которым мы смогли бы преодолеть печальное наследие наших предков – разделение христианского мира. Преодоление это в настоящий момент нам, и всему миру, нужнее, чем когда бы то ни было в прежние века. Мы не достигнем искомого, если слишком «твердо» станем на формальную почву. Этот путь испытан в прошлом, и результаты были незначительными, потому что по существу своему догматы

постигаются не теоретически, не рассудочно, а через духовный опыт. Если мы дадим англиканам вступить в общение с нами духовное, то тем самым они естественно включаются в наш «догматический опыт», и тогда подлинное единство станет реальностью и формально. Я позволяю себе высказать несколько таких мыслей лишь после того, как сам убедился в эффективности такого метода. Конечно, он требует от нас самих действительно твердого стояния в полноте Святого Предания, во всех его аспектах: литургическом, аскетическом, каноническом, пастырском, богословском. Ждать от англикан и старокатоликов немедленного постижения всего и вхождение в обладание всем сим богатством – бесплодно. В этом случае они будут ближе к римо-католикам, родственным им во многих отношениях: культурных, психологических и исторических. Тогда чаемое единство христианского мира отодвинется от нас еще дальше, чем оно было до наших дней. Не отрицаю наличия известного «риска» в принятии такой последовательности, о какой говорю выше, но ведь и Бог, творя мир свободных существ – «шел на риск». Любовь Божественная не страшится и сего.

Моя преданная любовь к Русской Церкви вообще, и к Вам лично, дала мне дерзновение высказать отрывочно несколько мыслей, и зная, что я не имею на это права, прошу Ваше Преосвященство не вменить мне это дерзновение в грех, но отнестись к ним со снисходительным вниманием и как к следствию долгих молитв.

Испрашивая Вашего святительского благословения, пребываю смиренно преданный послушник Вашего Преосвященства Недостойный Архимандрит Софроний.

«Донжон», 12 января 1959 года

Глубоко чтимый, возлюбленный о Господе Владыко, благословите.

Согласно выраженному Вами желанию, послал Вам два оттистка моей французской статьи: «Единство Церкви по образу единства Св. Троицы» (Православная Триадалогия как основа Православной Экклесиологии).

В 1950 г. я написал по-русски статью под тем же заглавием. Напечатана она в нашем «Вестнике» № 2–3. Это был момент весьма трудный для самого существования всего нашего

Экзархата. Тенденция наших противников, отымавших у нас один за другим приходы, была – доказать, что Русская Церковь не имеет канонического права распространять свою юрисдикцию на приходы, находящиеся вне ее территориальных границ, что права эти принадлежат только Вселенскому Патриарху. Это обстоятельство привело к тому, что первой редакцией моей статьи рядом с чисто богословскими положениями наличествует полемический элемент. На просьбу редакторов французского журнала «Contacts» разрешить им перепечатать на страницах их органа мою статью, собственно ее первый французский перевод, опубликованный в № 5 нашего же «Вестника», я ответил принципиальным согласием, но с тем, что внесу в нее исправления, устранив совершенно полемический момент и усилив положительное изложение основных моментов богословского порядка. С тех пор положение изменилось, и полемизировать с нашими «нео-папистами» уже нет необходимости. Статья проф. Троицкого (и могу сказать и моя также) привела к тому, что «Русский Экзархат Вселенского Патриарха» на последовавшем за этими статьями Епархиальном Съезде переменял решение предыдущего съезда о «постоянном и окончательном» подчинении Константинопольскому Патриарху и вынес постановление, что их подчинение К-полю должно рассматривать как временное, вызванное современным положением вещей.

В новой редакции моей статьи я несколько более развиваю и обосновываю те моменты, которые приобретают все большую актуальность. Мы видим, что проблема единства всего христианского мира все более и более захватывает все разветвления исторического христианства, и в связи с этим на первый план выступает и вопрос о том принципе, который должен быть положен в основу всеобщего единства. Наличествует три главных течения: «Экуменизм», созданный Протестантизмом, с пониженным требованием в области догмата и таинств. Римо-католический «Католицизм» с единым главою, облеченным всей полнотой власти, с догматом о непогрешимости папы. И третье – Православие, с его Соборностью и признанием равнодостоинства Поместных Церквей... Естественно последнее я почитаю единственно правильным. Слово Господа: «Да будут все едино, как Мы...» указывает, что иного принципа, как тот, что мы имеем в Откровении об образе Единства

Святой Троицы, не может и быть. Бытие – едино. Следовательно и догматическое учение о нем должно быть «единым». Невозможно правильно решить вопроса о единстве Церкви, не решив правильно иных догматических вопросов. Итак, догмат о Святой Троице и, следовательно, об исхождении Святого Духа имеет кардинальное значение и в Экклезиологии.

В моей статье я стремлюсь показать, что в православном догматическом сознании нет разрыва между Сущностью, Природою и Ипостасями. И Сущность, и Ипостась – тождественны абсолютно, пребывая однако несводимыми одна на другую. Это «тождество» или «равновесие» между Персоною и Природою утеряно в «филиоквистической» перспективе Римо-католичества, ибо там признано за Природою онтологическое первенство, преимущество, Ипостаси же мыслятся как отношения противоположения внутри Единой Сущности. Поскольку Природе отдано онтологическое первенство, ипостаси же отведены на второе место, постольку меняется все, положительно все, в видении Бытия, и Божественного, и тварного, созданного «по образу и подобию».

Когда такое видение Божественного Бытия переводится в план человеческой жизни, в план духовного, аскетического действия, акта, тогда создается тот же самый разрыв между принципом персоны и принципом природы: последняя превалирует над личностью, что приводит в Римо-католичестве к умеренному акценту на юридическом моменте в сотериологии, в литургическом акте («ex opere operato»), в экклезиологии – непогрешимость папы («ex cathedra», т.е. «ex officio»; это у них возможно в силу «природы вещей» независимо от персоны папы; персоны, которая может быть детерминирована природою, стоящею выше принципа персоны.

Такая установка человеческого духа отражается и на всем познании вообще, на всем устройстве человеческого общества, на духе законов, на всем. И человечество оказывается в тупике: Объективный принцип, сверхличный, имперсоналистический – подавил личность. Учреждение, общество, коллектив в сознании людей превалируют, и личность служит этим ценностям. Но поскольку такой порядок не может уничтожить того, что заложено Богом в творение, постольку непреодоленным остается конфликт между обществом и личностью. И сколько бы ни подавляли люди в самих

себе свое «личное», это личное не перестанет искать оправдание и своему бытию, ибо по существу говоря, живет-то это лицо, а не безличная природа. Итак, доколе не утвердится в сознании людей истинное видение Божественного Бытия, где каждое Лицо является носителем всей полноты Бытия, т.е. где Природа и Лицо являются собою абсолютное и простое единство, где каждое Лицо равно «динамически» всему триединству, т.е. есть истинный и всесовершенный Бог, абсолютно равный другим лицам и всему Единству Трех, где соблюдается полное равновесие между принципом Природы и Лица, дотоле не разрешится и в человечестве вопрос соотношения общества и лица.

Я не закрываю своих глаз, что такое богоподобное совершенство человечества является лишь целью, поставленное над заповедями Христа; что совершенство сие может быть никогда не достигнется в плане Истории, но даже последнее не может привести нас к решению оставить, как «утопию», заданное Богом совершенство, и, умалив христианство, преследовать цели меньшего порядка, но дающие скорее «видимые результаты». Реализация или осуществление заповеди Христа в церковном бытии – вот задача.

В моей первой статье («Вестник» № 2–3, стр. 31, первый абзац) я говорю, что «в своем последнем осуществлении принцип автокефальности Поместных Церквей говорит нам о нашей общей надежде, что не только поместные церкви, но и каждый член Церкви, каждая отдельно взятая ипостась-личность должна стать носителем всей католической полноты церковной». В новой редакции этот момент я развиваю несколько больше, обосновывая его ссылками на Новый Завет, на Святых Отцов, особенно среди последних цитирую Григория Нисского, Максима Исповедника и Симеона Н. Богослова.

Встреча Православия с Католичеством и Протестантским экуменизмом вынуждает нас искать «корень» наших расхождений. Без этого все споры о «деталях» не приводят ни к чему. В лучшем случае достигается некое «психологическое смягчение отношений», единство же подлинное, выражающееся в единой Литургии, не достигается.

Я часто встречаюсь с иностранцами, католиками и другими. Из опыта этих встреч я увидел, что в глубинах их душ всегда пребывает именно тот конфликт, о котором я говорю выше. Особенно

у римо-католиков. Они сильно и глубоко страдают от навязанного им внешнего авторитета, всякое несогласие с которым порождает в них болезненное состояние, – обеих сторон.

Католичество в настоящее время, несмотря на свой внешний успех, переживает один из самых глубоких кризисов своих. Видя, как неразрешимый у них конфликт «общего» и «лица» разрешается в Православии, они влекутся к последнему, пока еще робко; из страха они цепляются еще за свои привычные формы мышления и действия, но уже не смотрят на Православие, как на нечто низшее, застывшее, омертвевшее, что было обычным раньше.

Из моих встреч я имел немало случаев убедиться, что всякое снижение христианства влечет за собою или личные, или общественные катастрофы. Только этим снижением и можно объяснить бегство из церковной ограды многих лиц, искренно ищущих универсальной Правды и универсальной Истины. Говорю не о развращенных, а о тех, кто глубоко ищет разрешения великих проблем нашего бытия, кто стремится к интегральному и даже абсолютному познанию, естественному для человека.

Все это в несколько непоследовательном порядке я хочу высказать Вам, чтобы тем самым облегчить Вам понимание моей статьи, в силу понимания вызвавших ее причин. Я знаю, что для Русской Церкви в настоящее время первенствующее место занимает иная задача, верно угаданная и мудро проводимая в жизнь. Я имею в виду охранительные и реставрационные тенденции. Поэтому я не хочу занимать внимание русских людей моею статьею, и посылаю ее только Вам. Но мне кажется, что не очень далек тот момент, когда весь христианский мир будет ждать от Русской Церкви, богатой опытом молитвы Своей и Литургической жизнью вообще, ответа на вопрос: Какой же принцип единства должен быть признан как наиболее соответствующий данным Новозаветного Откровения?

По действительной ли слабости моего здоровья, по лени ли моей, или в силу неблагоприятных условий моей жизни в настоящее время, но я работаю, т.е. произвожу слишком мало. Недели проходят, а я не могу выбрать и одного дня, чтобы с утра сесть за писание, чтобы как-то закончить задуманную мною книгу для французского издания о догматических основах аскетизма нашего. Мне хотелось бы подробнее и яснее показать, что на всем бытии

нашем отражается неизбежно всякое изменение нашего догматического видения. Что потеря хотя бы частичная того, что нам дано в Откровении, влечет за собою изменение жизни всего тела той или иной Церкви. Хотя подавляющее большинство людей живет в состоянии «до-догматической» веры, т.е. только еще в порыве души к Богу, однако и в их жизни отражается догматическое познание или учение Церкви, к которой они принадлежат.

За истекшие недели я получил еще некоторые благоприятные отзывы на мою книгу на англ. языке. Отзывы в самых разнообразных кругах: католических, англиканских, некоторых других пара-церковных течений: даже литературные круги привлечены красотой и литургическим величием «лирики» писаний Старца. Я думаю их переписать на машинке и тогда пошлю Вам. А сейчас прошу Вас принять мою глубокую благодарность за Ваши благословения и добрые пожелания к Празднику Рождества Христова и Нового года. Помяная Вас с глубокой любовью в моих недостойных молитвах, я усердно прошу и Вас не забывать меня. Также прошу принять выражения моей искренней преданности о Христе Вашему Преосвященству.